

Индийский веер

Про книгу

Дочь пастора, Друзилла Делани, очарована своими богатыми соседями — семьей Фрамлингов, хотя и видит насквозь их пороки. Ее сердце начинает трепетать при встрече с Фабианом, молодым наследником рода. Однажды она получает в подарок фамильную реликвию Фрамлингов, прекрасный индийский веер. Вот только роскошный подарок, бесценное сокровище особняка, хранит в себе проклятье, несущее смерть. Юная Друзилла в опасности. Но не окажется ли более смертоносным, чем проклятый веер, сам Фабиан Фрамлинг?

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Индийский веер

Лабиринты любви

КСД

Лабиринты любви

A decorative horizontal line with arrowheads at both ends, centered below the text.

VICTORIA HOLT

The India Fan

A Novel

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Индийский веер

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9244-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданию:

V. Holt. The India Fan / Victoria Holt. — Naperville : Sourcebooks Casablanca, 2013. — 448 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайн обложки

CreaLab

Creative Laboratory

Дочь пастора, Друзилла Делани, очарована своими богатыми соседями — семьей Фрамлингов, хотя и видит насквозь их пороки. Ее сердце начинает трепетать при встрече с Фабианом, молодым наследником рода. Однажды ей дарят семейную реликвию Фрамлингов, прекрасный индийский веер. Вот только роскошный подарок, бесценное сокровище особняка, хранит в себе проклятье, несущее смерть. Юная Друзилла в опасности. Но не окажется ли более смертоносным, чем проклятый веер, сам Фабиан Фрамлинг?

Холт В.

X73 Индийский веер : роман / Виктория Холт ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 544 с. — (Серия «Лабиринты любви», ISBN 978-617-12-9102-7)

ISBN 978-617-12-8941-3

Дочка пастора, Друзилла Делані, зачарована своїми багатими сусідами — родиною Фрамлінгів, хоча і бачить наскрізь їхні пороки. Її серце починає тьохкати при зустрічі з Фабіаном, молодим спадкоємцем роду. Одного разу їй дарують фамільну реліквію Фрамлінгів, прекрасне індійське віяло. Однак розкішний подарунок, безцінний скарб особняка, зберігає в собі прокляття, що несе смерть. Юна Друзилла в небезпеці. Але чи не виявиться більш смертоносним, ніж прокляте віяло, сам Фабіан Фрамлінг?

УДК 821.111

© Victoria Holt, 1988

© DepositPhotos.com / AyaksS, ibphoto, Neirfys, AntonMatyukha, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

Большой дом

Большой дом Фрамлингов почему-то всегда манил меня. Пожалуй, началось это еще в ту пору, когда мне исполнилось два года и Фабиан Фрамлинг похитил меня и держал у себя взаперти целых две недели. Я обнаружила, что дом полон теней и тайн, когда отправилась туда на поиски веера из павлиньих перьев. В длинных коридорах, на балконах, в крытых переходах и молчаливых комнатах — казалось, из каждого угла недобрый взором провожает незваного гостя прошлое, готовое исподтишка вторгнуться в настоящее и вычеркнуть его — хотя и не до конца — из реальности.

Сколько я себя помню, леди Гарриет Фрамлинг оставалась безраздельной владычицей нашей деревни. Работники ферм уважительно отступали к обочине и поспешно сдергивали шляпу с головы, когда мимо проносился экипаж, дверцы которого украшали величавые гербы Фрамлингов, а женщины приседали в почтительном реверансе. О ней говорили исключительно приглушенным шепотом, словно опасаясь произносить ее имя всуе; в моем детском восприятии она была ровней королеве и второй после Бога. Потому не стоит удивляться, что, когда ее сын Фабиан повелел мне стать его рабыней, я — будучи в то время шестилетней девочкой — даже не подумала возмутиться. Мне казалось вполне естественным, что мы, простые люди, должны угождать Большому Дому любыми способами.

Большим Домом — известным в округе как «Дом», словно те жилища, в которых обитали мы, являлись чем-то другим — был Фрамлинг. Не Фрамлинг-Холл или Фрамлинг-Манор, а просто Фрámлинг, с ударением на первом слоге, отчего имя собственное звучало куда внушительнее. Фрамлинги владели им на протяжении нескольких веков. Леди Гарриет, выйдя замуж за очередного представителя семейства, сделала ему большое одолжение, фактически снизойдя до него, поскольку была дочерью графа, а это, как говорил мне отец, означало, что она была леди Гарриет, а не просто леди Фрамлинг. Об этом не стоит забывать никогда, пусть даже она и заключила неравный брак, став супругой простого баронета. Правда, он уже скончался, бедняга. Но я слыхала, что она не давала ему забыть о своем более высоком общественном положении; и, хотя в нашей

деревне появилась, только став новобрачной, с тех самых пор она полагала своим долгом править нами.

Брак долгие годы оставался бездетным — к немалой досаде леди Гарриет. Думаю, что она постоянно пеняла Вседержителю на подобный недосмотр с его стороны; но даже небо не могло игнорировать леди Гарриет бесконечно, и, когда ей исполнилось сорок, спустя пятнадцать лет после свадьбы, она произвела на свет Фабиана.

Радость ее не знала границ. Она души не чаяла в своем ребенке. Логика ее была проста — ее сын мог быть только идеалом. Малейшая его прихоть подлежала немедленному удовлетворению, и слуги Фрамлингов признавали, что леди Гарриет лишь снисходительно улыбалась, когда ей становилось известно об очередной выходке ее *инфанта*.

Через четыре года после рождения Фабиана родилась Лавиния. Будучи девочкой, она по всем статьям уступала Фабиану, зато оставалась дочерью леди Гарриет и в этом качестве превосходила всех в общине.

Меня всегда забавляло, как они входили в церковь и шли по проходу, — первой выступала леди Гарриет, за нею шел Фабиан, и замыкала процессию Лавиния. С благоговейным страхом и почтением присутствующие наблюдали за тем, как они занимали свои места и преклоняли колена на черно-красных молитвенных подушечках с вышитой на них буквой «Ф»; те, кто оказывался у них за спиной, становились свидетелями незабываемого зрелища, когда леди Гарриет склоняла голову перед высшей силой, — и это впечатление с лихвой искупало все недостатки молебствия, коих имелось предостаточно.

Стоя на коленях, я в немом изумлении наблюдала за происходящим, позабыв о том, что нахожусь в церкви, пока Полли Грин не пихала меня локтем в бок, возвращая к действительности.

Фрамлинг — Дом — возвышался над деревней и подавлял ее. Он был построен на склоне небольшого холма, отчего казалось, будто он постоянно пребывает настороже, высматривая грехи, которые мы могли совершить. Хотя первый дом появился там еще во времена Вильгельма Завоевателя, за прошедшие века он был изрядно перестроен, так что в его облике не осталось практически ничего от здания эпохи, предшествовавшей Тюдорам. Проходя под надвратной

башней, вы попадали во внутренний двор, где прямо из стен торчали растения, а в бочонках, перехваченных железными полосами, в художественном беспорядке росли декоративные кустарники. Во дворе имелись потайные уголки, куда выходили окна со свинцовыми переплетами — темные и загадочные. И я почему-то неизменно представляла, как кто-то смотрит вниз из этих окон, а потом докладывает об увиденном леди Гарриет.

Массивная, утыканная многочисленными железными заклепками дверь вела в залу для пиршеств, где на стенах висели портреты давно умерших Фрамлингов — с властными или кроткими лицами. Ввысь устремлялся сводчатый потолок; длинный выскобленный стол отчетливо пах пчелиным воском и скипидаром; над огромным камином простирали свои ветви фамильное древо; в одном конце залы виднелась лестница, ведущая в часовню, а в другом — дверь, за которой начиналась половина для слуг.

В детстве мне казалось, будто все мы в деревне, подобно планетам, вращаемся вокруг ослепительного в своем блеске солнца, коим являлся Фрамлинг.

Наш собственный домик, разросшийся за счет пристроек и продуваемый насквозь, стоял совсем рядом с церковью. Я часто слышала, что протопить его стоит целого состояния. По сравнению с тратами на отопление Фрамлинга эта сумма, разумеется, представлялась смехотворной, но, хотя в гостиной пылал огонь, да и на кухне было довольно тепло, подняться зимой наверх было то же самое, что отправиться в путешествие к Северному полюсу, — так, во всяком случае, я тогда думала. Но мой отец не обращал внимания на такие мелочи. Собственно, насущные вопросы вообще мало его волновали. Его сердце принадлежало Древней Греции, и об Александре Македонском или Гомере он знал куда больше, чем о своих прихожанах.

Своей матери я не помнила, поскольку она умерла, когда мне было всего два месяца. Ее заменила мне Полли Грин; но это случилось уже после того, как мне сравнялось два года и я впервые познакомилась с манерами и образом жизни Фрамлингов. В те времена Полли было около двадцати восьми. Она была вдовой, всегда мечтавшей о ребенке, и, став для меня второй матерью, получила в моем лице дочь, которой у нее никогда не было. В общем, все устроилось как нельзя лучше.

Я любила Полли, и у меня никогда не возникало даже тени сомнения в том, что и Полли любит меня. Именно в ее любящие объятия я приходила, когда мне бывало плохо. Когда горячий рисовый пудинг падал мне на колени, когда я в кровь сбивала локти, когда просыпалась среди ночи оттого, что мне снились гномы или злобные великаны, — именно к Полли я обращалась за утешением. Словом, я не могла представить себе жизни без Полли Грин.

К нам она приехала из Лондона, и, по ее мнению, не было на свете места лучше и краше. «Я похоронила себя в деревне, и все ради вас», — обыкновенно говорила она. Когда же я возражала, что быть похороненным — значит оказаться под слоем земли на кладбище, она соглашалась со мной: «Что ж, и это верно». К деревне она испытывала презрение. «Столько полей, а делать на них нечего. Дайте мне Лондон». И она начинала рассказывать об улицах, на которых «вечно что-нибудь происходит», о рынках, освещенных пламенем керосиновых фонарей, лотках, доверху заваленных овощами и фруктами, старой одеждой и «всем, чего только душа пожелает», и торговцах, на все лады расхваливающих свой товар. «Когда-нибудь я возьму тебя с собой, и ты все увидишь собственными глазами».

Полли была единственной среди нас, кто относился к леди Гарриет без особого пиетета.

«Да кто она такая без своего дома? — возмущенно вопрошала она. — Ничем не отличается от нас, простых смертных. Все, что у нее имеется, — какая-то приставка перед именем».

Полли была бесстрашной. Никаких покорных реверансов от нее ждать не приходилось. Она не желала укрываться за живой изгородью, когда мимо проезжал приснопамятный экипаж. Она крепко брала меня за руку и решительно шагала дальше, выставив вперед подбородок и не глядя по сторонам.

У Полли имелась сестра, жившая в Лондоне вместе с мужем. «Бедняжка Эфф, — говорила Полли. — Он у нее — так, пустое место». Я никогда не слыхала, чтобы Полли называла его иначе, чем «он». Похоже, имени собственного он был недостойн. «В тот день, когда она обручилась с ним, я сказала ей: „С ним ты хлебнешь горя полной ложкой, Эфф“. Но разве она хоть когда-нибудь меня слушала?»

И я горестно качала головой, потому что уже слышала эту историю ранее и ответ был мне известен.

Итак, в моем детстве Полли была центром вселенной. Городские замашки выделяли ее среди нас, сельских жителей. У Полли была манера складывать руки на груди и пронзать воинственным взглядом того, кто собирался возразить ей. Таким образом, она превращалась в серьезного оппонента. Она говорила, что «ничего ни у кого не возьмет», а когда я, посвященная в таинства английской грамматики своей гувернанткой, мисс Йорк, заметила, что двойное отрицание дает положительный смысл, она просто ответила: «Ты что, смеешься надо мною?»

Я любила Полли всей душой. Она была моим союзником, причем безоговорочным; вдвоем мы с нею противостояли леди Гарриет и остальному миру.

Мы занимали комнаты на верхнем этаже дома приходского священника. Моя спальня соседствовала с ее; так повелось с самого первого дня ее появления здесь, и мы не собирались менять сложившегося порядка вещей. Впрочем, на мансардном этаже имелась еще одна комната. В ней Полли разводила небольшой уютный огонь, и зимой мы жарили там гренки и каштаны. Я смотрела на языки пламени, а Полли рассказывала мне о Лондоне. Перед моими глазами вставали рыночные лотки, Эфф и «он», а также маленький домик, в котором Полли жила со своим мужем-моряком. Я видела, как Полли ждет, когда его отпустят на побывку и он придет домой в своих брюках-клевш, маленькой белой шапочке с надписью «К. Е. В. Победоносный» и с аксельбантом на плече. Голос ее подрагивал и срывался, когда она рассказывала о том, как он пошел на дно вместе со своим кораблем.

«Ничего не осталось, — говорила она. — Даже малыша, который напоминал бы мне о нем». Я возражала, что рада этому, что, будь у нее малыш, она не захотела бы возиться со мной.

Тогда в глазах ее появлялись слезы, и она говорила хриплым голосом: «Эй. Ну-ка, посмотри на меня. Ты пытаешься разжалобить мое старое сердце?»

Но при этом все равно обнимала меня.

Из своих окон мы смотрели на церковный двор, покосившиеся старые надгробия, под многими из которых лежали те, кто умер уже давным-давно. Я читала надписи на них и спрашивала себя, какими

были люди, похороненные здесь. Некоторые посвящения почти стерлись от старости.

Комнаты наши были большими и просторными, с окнами, выходящими на обе стороны. Напротив церковного кладбища находился пустырь с прудиком и скамьями, где любили собираться старики, чтобы поговорить или просто посидеть в молчании, глядя на воду, перед тем как шаркающей походкой удалиться в гостиницу и пропустить там пинту эля.

— Смерть с одной стороны, — говорила я Полли, — и жизнь — с другой.

— Какая же ты, право, смешная со своими мыслями, — отвечала мне Полли, поскольку именно таков был ее ответ на любое мудреное мое замечание.

Семья наша состояла из моего отца, меня, моей гувернантки мисс Йорк, Полли, миссис Дженсен, поварихи и экономки, и Дейзи и Холли, двух сестер-непосед, занимавшихся работой по дому. Впоследствии я узнала, что гувернантка у нас появилась потому, что мама принесла в семью немного денег, которые были отложены на мое образование, причем лучшее из возможных, какие бы трудности ни пришлось терпеть для того, чтобы получить его.

Я любила своего отца, но он играл в моей жизни далеко не главную роль, в отличие от Полли. Когда я видела, как он через кладбище возвращается из церкви домой, в своем белом стихаре, с молитвенником в руке, и его густые седые волосы треплет ветер, меня охватывало безудержное желание защитить его. Он казался таким уязвимым, неспособным позаботиться о себе, и потому мне было странно думать о нем как о попечителе своей духовной паствы — особенно если учесть, что к ней принадлежала и леди Гарриет. Приходилось напоминать ему о необходимости вкушать не только духовную, но и телесную пищу, подсказывать, когда надо переодеться в чистое... Его очки вечно терялись, а потом находились в самых неожиданных местах. Ему случалось войти в комнату за чем-нибудь и тут же забыть, за чем именно. Зато он блистал красноречием на амвоне, хотя я уверена, что прихожане, по крайней мере деревенские жители, не понимали его отсылок к классицизму и древним грекам.

«Он бы уже давно забыл свою голову, если бы она не сидела крепко у него на плечах», — так обычно отзывалась о нем Полли в ласково-презрительном тоне, который был мне хорошо знаком. Но она была привязана к нему и готова была защищать его со всем пылом своего сочного и выразительного языка — иногда весьма отличного от нашего — в случае нужды.

Мне исполнилось два года, когда со мной приключилась история, о которой я почти ничего не помню. Я восстановила ее позже, по рассказам других, но именно она заставила меня ощутить некую связь с Большим Домом. Будь Полли со мной в то время, этого бы никогда не случилось; полагаю, что как раз после этого случая мой отец окончательно осознал, что мне нужна нянька, которой можно доверять.

То, что произошло тогда, явно свидетельствует о характере Фабиана Фрамлинга и о том, что его мать была буквально одержима им.

Пожалуй, в то время Фабиану исполнилось уже лет семь. Лавиния была на четыре года младше брата, а я родилась через год после ее появления на свет. Подробности случившегося стали мне известны от наших слуг, которые дружили с прислугой Фрамлингов.

Большую часть истории поведала мне миссис Дженсен, повариха и экономка, служившая у нас верой и правдой, установившая в доме строгую дисциплину и поддерживавшая в нем определенный порядок.

— Ничего более странного я в жизни не слыхала, — рассказывала она. — Это все молодой мастер Фрамлинг. Там, в Доме, он их всех заставляет плясать под свою дудку... всегда так было. Леди Гарриет думает, что в его глазах светит солнце, луна и сияют звезды. Она никому не даст его в обиду. Маленький Цезарь, вот кто он такой. Одному богу известно, что с ним будет, когда он станет хоть немного старше. В общем, его маленькому величеству надоело играть в старые игры. Он желает чего-нибудь новенького и решает, что будет отцом. А уж если он чего-нибудь хочет... Мне говорили, что все, чего он хочет, становится его собственностью. А это не сулит хорошего никому, помяните мое слово, мисс Друзилла.

Я сделала заинтересованное лицо, потому что мне очень хотелось услышать продолжение.

— Вас отвели в сад при доме приходского священника. Там можно было бродить без опаски, и вам очень нравилось учиться ходить. Им не следовало оставлять вас одну. Это все Мэй Хиггс, взбалмошная

штучка. Хотя при этом любила детей... В то время она напропалую кокетничала с Джимом Феллингсом. И он не устоял. В общем, она крутила с ним шашни и не заметила, что творилось у них под самым носом. А мастер Фабиан решил, что будет отцом, а у отца должен быть ребенок. Он увидел вас и счел, что вы ему подходите. Поэтому он взял вас и отвел в Дом. Вы были его дочкой, а он должен был стать вашим отцом.

Миссис Дженсен уперла руки в бока и посмотрела на меня. Я засмеялась. История эта показалась очень смешной и понравилась мне.

— Продолжайте, миссис Дженсен. Что же случилось потом?

— Бог ты мой, знали бы вы, какой переполох поднялся, когда обнаружилась пропажа. Никто не мог понять, куда вы подевались. А потом леди Гарриет послала за вашим отцом. А он, бедняга, пребывал в неопишемом расстройстве. Он взял с собой Мэй Хиггс. Та была в слезах, во всем винила себя, и поделом. Если хотите знать, то именно тогда между нею и Джимом Феллингсом пробежала кошка. В случившемся она обвинила его. А в следующем году, чтоб вы знали, она вышла замуж за Чарли Клея.

— Расскажите мне о том, что было, когда мой отец пошел в Дом, чтобы забрать меня.

— Это то же самое, что пытаться словами описать бурю! А там разразилась не просто буря, а настоящий ураган. Мастер Фабиан рвал и метал. Он ни в какую не желал отдавать вас. Вы были его дочкой. Он нашел вас. И собирался стать вашим отцом. Мы были ошеломлены и растеряны, когда пастор вернулся обратно один, без вас. Помню, что спросила у него: «А где же девочка?» И он ответил: «Она останется в Большом Доме еще на денек-другой». А я смогла только пробормотать: «Но ведь она совсем еще крошка». — «Леди Гарриет заверила меня, что за нею будут хорошо присматривать. О ней позаботится нянька мисс Лавинии. Ей не причинят вреда. Фабиан буквально впал в бешенство, когда подумал, что лишится ее, и леди Гарриет решила, что он может убить ее». — «Помяните мое слово, — сказала я, — этот мальчишка — пусть он хоть трижды сын леди Гарриет — плохо кончит». И мне было все равно, передадут мои слова леди Гарриет или нет. Я должна была высказать все, что думаю.

— В итоге я прожила в Большом Доме целых две недели.

— В самую точку. Говорят, было смешно наблюдать, как мастер Фабиан присматривал за вами. Он катал вас по саду в коляске, принадлежавшей мисс Лавинии. Сам кормил и одевал вас. Мне говорили, что со стороны это выглядело даже мило. Он ведь всегда предпочитал грубые забавы... а тут играл роль заботливой мамочки. Если бы не Нэнси Каффли, он бы наверняка закармлил вас до смерти. В кои-то веки она проявила характер, настояла на своем, а он отступил. Должно быть, он по-настоящему привязался к вам. Одному богу известно, сколько бы еще это продолжалось, если бы погостить к ним не приехала леди Милбэнк со своим сыном Ральфом, который был на год старше мастера Фабиана. Тот посмеялся над ним и заявил, что это — все равно что играть в куклы. И не имеет значения, что кукла была живой. Все равно, это — девчоночья игра. Нэнси Каффли говорила, что мастер Фабиан ужасно расстроился. Он не хотел, чтобы вы уезжали... но я думаю, он решил, что запятнает свое мужское достоинство, если станет и дальше присматривать за вами.

Я очень любила эту историю и много раз просила повторять ее снова.

Почти сразу же после этого случая у нас появилась Полли.

Стоило мне завидеть Фабиана — обычно издалека, — как я принималась украдкой наблюдать за ним, представляя, как он нежно заботится обо мне. Это было так забавно, что я начинала смеяться.

А еще я воображала, что и он смотрит на меня как-то по-особенному, хотя он всегда притворялся, будто не замечает меня.

Из-за нашего положения в деревне — приходской священник по своему статусу считался равней доктору и стряпчему, хотя, разумеется, целая пропасть отделяла нас от высот, на которых обитали Фрамлинги, — когда я чуточку повзрослела, меня стали иногда приглашать на чай к мисс Лавинии.

Хотя такие мероприятия и не доставляли мне особой радости, я всегда с удовольствием бывала в Доме. Прежде я почти ничего не знала о нем. До той поры я видела лишь холл, потому что пару раз, когда в самом разгаре гулянья в саду начинался дождь, нам дозволено было укрыться от него в Доме. Я навсегда запомню волнение, охватившее меня, когда я покинула холл и стала подниматься по лестнице, мимо статуи в рыцарских доспехах, которая, как я решила,

после наступления темноты выглядит жутковато. Я не сомневалась, что она — живая и смеется над нами за нашими спинами.

Лавиния была высокомерной и очень красивой. Она напоминала мне тигрицу. У нее были каштановые волосы с рыжеватым отливом и золотистые искорки в зеленых глазах; верхняя губка у нее была коротковатой и приподнималась, обнажая прелестные белые зубы; носик у нее был маленьким и курносым, что придавало ее личику некую пикантность. Но главным ее достоинством были роскошные вьющиеся волосы. Да, она была очень привлекательной.

Тот первый раз, когда я пришла к ней на чай, навсегда останется у меня в памяти. Меня сопровождала мисс Йорк. Встречала нас мисс Этертон, гувернантка Лавинии, и обе мисс моментально прониклись друг к другу симпатией.

Чай мы должны были пить в классной комнате, которая оказалась большой, со стенами, обшитыми деревянными панелями, и окнами с расстекловкой. Здесь же стояли большие шкафы со стеклянными дверцами, в которых, как я решила, хранились грифельные доски для письма, карандаши и, наверное, книги. Имелся в наличии и длинный стол, за которым поколения Фрамлингов наверняка делали уроки.

Мы с Лавинией принялись рассматривать друг друга с некоторым оттенком враждебности. Но еще перед выходом Полли успела дать мне нужные наставления: «Не забывай, ты ничем не хуже ее. Даже лучше, на мой взгляд».

Слова Полли по-прежнему звучали у меня в ушах, и я уставилась на Лавинию как на соперницу, а не как на будущую подругу.

— Сначала мы выпьем чаю в классной комнате, — провозгласила мисс Этертон, — а потом вы познакомитесь поближе. — И она заговорщически улыбнулась мисс Йорк. Было совершенно очевидно, что этим двоим требуется небольшое отдохновение от своих обязанностей.

Лавиния подвела меня к диванчику у окна, и мы сели.

— Ты живешь в том старом и ужасном доме священника, — начала она. — Фу.

— Он очень милый, — возразила я.

— Зато совсем не похож на этот.

— Он и не должен быть похож, чтобы оставаться милым.

Лавиния была явно обескуражена тем, что я осмелилась противоречить ей, и я поняла, что наши отношения не будут такими легкими и безоблачными, как у мисс Йорк и мисс Этертон.

— В какие игры ты играешь? — поинтересовалась она.

— Мм... в «угадайку», с Полли, моей няней, и мисс Йорк мы иногда воображаем, будто отправляемся в путешествие по всему миру и говорим обо всех местах, в которых должны побывать.

— Какая скучная игра!

— Нисколько.

— Нет, *скучная*, — заявила она с таким видом, словно намеревалась оставить за собой последнее слово в нашем споре.

Подали чай. Принесла его горничная в накрахмаленной шапочке и переднике. Лавиния бегом бросилась к столу.

— Не забудьте о своей гостье, — сказала ей мисс Этертон. — Друзилла, садитесь сюда.

На столе оказались хлеб, масло, клубничный джем и маленькие кексы с разноцветной сахарной глазурью.

Мисс Йорк внимательно наблюдала за мной. Сначала — хлеб и масло. Было бы невежливо взяться сперва за кексы. А вот Лавиния и не думала соблюдать правила и сразу же схватила один из кексов. Мисс Этертон метнула извиняющийся взгляд на мисс Йорк, которая сделала вид, будто ничего не заметила. Когда я съела бутерброд, мне предложили кекс. Я выбрала тот, на котором была голубая глазурь.

— Это последний из голубых, — заявила Лавиния. — Я хотела съесть его сама.

— Лавиния! — одернула ее мисс Этертон.

Но та пропустила это мимо ушей. Она смотрела на меня, явно ожидая, что я отдам ей кекс. Но, вспомнив слова Полли, я не стала этого делать. Немного помедлив, я взяла его с тарелки и впилась в него зубами.

Мисс Этертон приподняла плечи и посмотрела на мисс Йорк.

Да, чаепитие вышло не слишком приятным.

Полагаю, обе они, и мисс Йорк, и мисс Этертон, испытали большое облегчение, когда с чаем было покончено и нас отправили играть, а они остались вдвоем.

Я шла следом за Лавинией, которая заявила, что мы будем играть в прятки. Вынув из кармана монетку в одно пенни, она сказала:

— Бросим жребий. — Я не догадывалась, что она имеет в виду. — Выбери, орел или решка, — предложила она.

Я выбрала орла.

Она щелчком подбросила монетку, и та упала ей на раскрытую ладонь. Она сжала ее в кулак, так что я не могла ее увидеть, и сказала:

— Я выиграла. Это значит, что я выбираю первой. Ты прячешься, а я буду искать. Беги. Я досчитаю до десяти...

— Куда... — начала было я.

— Куда хочешь.

— Но этот дом так велик... я даже не знаю.

— Разумеется, он большой. Не то что твой дурацкий дом священника. — Она толкнула меня. — Пошевеливайся, а то я начинаю считать.

Разумеется, она была мисс Лавинией из Большого Дома. Она была на год старше меня. Она казалась всезнайкой, искушенной и опытной, а я была всего лишь гостьей. Мисс Йорк рассказывала мне, что гости часто чувствуют себя неловко и делают то, от чего предпочли бы отказаться. Это входит в обязанности гостя.

Я вышла из комнаты, оставив Лавинию вести зловещий счет. Три, четыре, пять... Звук ее голоса казался мне звоном погребального колокола.

Я спешила удрать подальше. Но Дом, казалось, смеялся надо мной. Как я могла спрятаться в здании, география которого мне совершенно неизвестна?

Несколько мгновений, ничего не видя перед собой, я просто бежала вперед. Потом мне на глаза попала дверь, и я отворила ее. За нею оказалась небольшая комнатка. Здесь стояли несколько кресел, спинки которых были украшены сине-желтой вышивкой. Но мое внимание привлек потолок: на нем были нарисованы облака, на которых восседали маленькие толстенькие амуры. Кроме того, здесь имелась еще одна дверь. Войдя в нее, я оказалась в коридоре.

Спрятаться здесь было просто негде. «Ну, и что мне теперь делать? — спросила я себя. — Может, стоит вернуться обратно в классную комнату, отыскать мисс Йорк и сказать ей, что я хочу домой?» Мне вдруг захотелось, чтобы со мной была Полли. Она бы никогда не оставила меня одну на милость мисс Лавинии.

Надо попробовать вернуться по своим же следам. Развернувшись, я отправилась в обратную, как мне показалось, сторону. Вот и дверь, за которой меня должны были ждать толстенные купидоны на потолке, но их не было. Я оказалась в длинной галерее, увешанной картинами. В одном ее конце виднелось возвышение с клавикордами и позолоченными стульями.

Я со страхом уставилась на портреты. Они были очень похожи на живых людей, которые взирали на меня с явным неодобрением за то, что я вторглась в их владения.

Я чувствовала себя так, словно дом зло подшутил надо мной, и мне отчаянно захотелось увидеть Полли. Я уже готова была удариться в панику. У меня вдруг появилось гадкое чувство, будто я угодила в ловушку и уже никогда не выберусь из нее. И теперь мне предстоит всю жизнь бродить по коридорам и комнатам этого дома в тщетной попытке выйти отсюда.

В конце галереи виднелась дверь. Я отворила ее и оказалась в очередном длинном коридоре. Впереди меня ждала лестница. Итак, мне предстояло сделать выбор — подняться по ней или вернуться в галерею. Я стала подниматься по ступенькам; глазам моим предстал очередной коридор и... новая дверь.

Я бесстрашно отворила и ее и оказалась в маленькой темной комнатке. Несмотря на охвативший меня страх, она очаровала меня. Было в ней нечто чужеземное. Портьеры были сшиты из тяжелой парчи, и тут стоял странный и незнакомый мне запах. Впоследствии я узнала, что так пахнет сандаловое дерево. Резные деревянные столы украшал орнамент из желтой меди. Комната выглядела прелестной, и на мгновение я даже забыла о своих страхах. Над камином, на мраморной полке лежал веер. Он был очень красив, ярко-синий с большими черными пятнами. Я знала, что это такое, потому что уже видела картинку с павлинами. Это был веер из перьев павлина. Мне вдруг захотелось потрогать его. Если встать на цыпочки, то я сумею дотянуться до него. Перья оказались очень мягкими на ощупь.

Потом я еще раз огляделась по сторонам. И увидела дверь. Я подошла к ней. А вдруг за дверью — кто-нибудь, кто покажет мне дорогу к классной комнате и мисс Йорк?

Приоткрыв дверь, я осторожно заглянула внутрь.

Чей-то голос спросил:

— Кто здесь?

Я перешагнула порог и сказала:

— Меня зовут Друзилла Делани. Я пришла на чай и заблудилась.

Шагнув вперед, я увидела кресло с высокой спинкой, а в нем — пожилую леди. Колени ее были укрыты ковриком, что, по моему мнению, свидетельствовало о том, что она инвалид. Рядом с нею стоял стол, заваленный бумагами, по виду — письмами.

Она разглядывала меня, и я храбро уставилась на нее в ответ. Ведь в том, что я заблудилась, моей вины не было. Со мной обращались совсем не так, как полагается обращаться с гостьей.

— Почему ты пришла ко мне, девочка? — высоким голосом спросила леди. Она была очень бледной, и руки у нее дрожали. На миг я даже подумала, что вижу перед собой привидение.

— Я не специально. Я играла в прятки и заблудилась.

— Подойди ко мне, дитя.

Я повиновалась.

Она сказала:

— Раньше я здесь тебя не видела.

— Я живу в доме приходского священника. Я пришла на чай к Лавинии, а потом мы с нею стали играть в прятки.

— Люди не приходят повидаться со мной.

— Извините меня.

Она покачала головой.

— Я читаю его письма.

— Почему вы делаете это, если они заставляют вас плакать? — спросила я.

— Он был неподражаем. Случилось несчастье. Я погубила его. Это была моя вина. Мне следовало быть умнее. А ведь меня предупреждали...

Я решила, что она — самая странная женщина из всех, кого я знаю. Всегда подозревала, что в этом доме могут происходить невероятные вещи.

Я сказала, что мне пора возвращаться в классную комнату.

— Они начнут волноваться и спрашивать себя, куда я могла запропасться. А со стороны гостей не очень вежливо бродить по дому, не так ли?

Она протянула руку, которая больше походила на птичью лапку, и цепко ухватила меня за запястье. Я уже собралась было звать на помощь, как вдруг дверь отворилась и в комнату вошла женщина. Ее внешность поразила меня. Она явно не была англичанкой. Волосы у нее были очень темными; глаза — черными и глубоко посаженными; закутана она была в накидку, которая, как я узнала позже, называется сари. Она была темно-синей, того же оттенка, что и веер, и показалась мне очень красивой. Двигалась женщина очень грациозно, а голос ее прозвенел, как колокольчик:

— Ох, голубушка, мисс Люсиль, что случилось? А вы кто, маленькая девочка?

Я объяснила ей, кто я такая и как попала сюда.

— Ох, мисс Лавиния... Но она — очень, очень гадкая девочка, если обошлась с вами таким образом. Надо же, прятки. — Она воздела руки перед собой. — Да еще в этом доме... И вы наткнулись на мисс Люсиль. Посторонние сюда не приходят. Мисс Люсиль нравится быть одной.

— Простите меня, я не нарочно.

Она похлопала меня по плечу:

— Ах, нет, нет, это все гадкая мисс Лавиния. Когда-нибудь... — Поджав губы, она сложила руки ладонями другу к другу и на несколько мгновений воздела глаза к потолку. — Но вам пора возвращаться. Я покажу дорогу. Идемте со мной.

Она взяла меня за руку и ласково пожала ее.

Я взглянула на мисс Люсиль. По ее щекам медленно текли слезы.

— Эта часть дома отведена мисс Люсиль, — так мне было сказано. — Я живу здесь с нею. Мы здесь... и нас здесь нет... Вы понимаете?

Я ничего не поняла, но на всякий случай кивнула.

Мы вернулись обратно через галерею и другие части дома, которых я раньше не видела, и довольно быстро добрались до классной комнаты.

Женщина отворила дверь. Лавинии нигде не было видно, а мисс Йорк и мисс Этертон о чем-то увлеченно беседовали.

Обе изумленно уставились на меня.

— Что случилось? — Дар речи наконец вернулся к мисс Этертон.

— Они играют в прятки. Эта малышка... в доме, который ей незнаком. Она заблудилась и вышла к мисс Люсиль.

— Ох, мне *очень* жаль, — сказала мисс Этертон. — Мисс Лавинии следовало бы лучше заботиться о своей гостье. Благодарю вас, Аеша.

Я обернулась к женщине и одарила ее улыбкой. Мне пришлось по душе ее мягкий голос и добрые черные глаза. Улыбнувшись в ответ, она столь же грациозно удалилась.

— Надеюсь, Друзилла ничего не... э-э... — начала мисс Йорк.

— О, нет. Мисс Люсиль живет отдельно со своими слугами. Есть еще одна, они обе — индианки. Понимаете, она провела там долгое время. Семья поддерживает связи с Ост-Индской компанией. Но сейчас у нее... наблюдаются некоторые странности.

Обе гувернантки посмотрели на меня, и я поняла, что разговор на эту тему продолжится, но в мое отсутствие.

Обращаясь к мисс Йорк, я заявила:

— Хочу домой.

На ее лице отобразились смущение и беспокойство, но мисс Этертон понимающе ей улыбнулась.

— Что ж, — произнесла мисс Йорк, — в таком случае, полагаю, нам пора.

— Как вам будет угодно, — ответила мисс Этертон. — Хотела бы я знать, куда подевалась мисс Лавиния. Она должна прийти и попрощаться со своей гостьей.

Лавиния отыскалась еще до нашего ухода. Я заявила ей ледяным тоном:

— Благодарю тебя.

Она ответила:

— Как это глупо с твоей стороны — взять и заблудиться. Хотя ты ведь непривычна к таким домам, не так ли?

В разговор вмешалась мисс Этертон:

— Сомневаюсь, что найдется второй такой дом, Лавиния. Что ж... Вы должны прийти к нам еще раз.

И мы с мисс Йорк ушли. Губы моей гувернантки были недовольно поджаты, но она все-таки сказала мне:

— Не хотела бы я оказаться на месте мисс Этертон, судя по тому, что она рассказывает... А мальчишка еще хуже.

Правда, потом она, очевидно, вспомнила, с кем разговаривает, и заявила, что визит все-таки получился приятным.

Я была категорически с нею не согласна, хотя он и впрямь отличился волнительными моментами, которые я забуду еще не скоро.

***

Хотя особого желания вновь наведываться в тот дом у меня не было, его притягательность лишь возросла. Всякий раз, проходя мимо, я вспоминала странную пожилую леди и ее компаньонку. Меня разбирало любопытство, потому что по натуре я была очень любознательной; в этом мы как две капли воды были похожи с Полли.

Случалось, когда отец не был занят, я приходила к нему в кабинет. Обыкновенно это бывало после чая. Я чувствовала себя едва ли не одной из тех вещей, о существовании которых он, как об очках, забывал время от времени; он начинал их искать только тогда, когда они становились нужны ему, а обо мне вспоминал, когда над ним довлело чувство долга.

Но в его забывчивости было нечто очень милое. Он всегда был нежен со мною, и я не сомневалась, что не будь он столь одержим Троянской войной, то вспоминал бы обо мне гораздо чаще.

Беседы с ним походили на игру, когда он старался завести речь о каких-либо классических понятиях, а я, в свою очередь, — не дать ему оседлать его излюбленного конька.

Он всегда спрашивал меня, как идет моя учеба и нравится ли мне мисс Йорк. Мне казалось, что я учусь весьма успешно и что мисс Йорк довольна моими успехами.

Он кивал и улыбался.

— Она думает, что ты слишком порывиста, — говорил он. — Но в остальном она весьма тобой довольна.

— Наверное, она считает меня порывистой, потому что сама совсем не такая.

— Может быть, и так. Но ты должна приучить себя не торопиться. Не забывай о Фаэтоне.

Я не помнила, кто такой этот Фаэтон, но, если я спросила бы его об этом, он взял бы нить разговора в свои руки и Фаэтон запросто мог привести к какому-нибудь еще персонажу из тех давних времен, когда людей превращали в лавровые деревья и другие растения, а боги обращались лебедями или быками, отправляясь соблазнять смертных.

Все это представлялось мне весьма странной манерой поведения, да я и не верила в это, в любом случае.

— Отец, — однажды поинтересовалась я у него, — ты знаешь что-нибудь о мисс Люсиль Фрамлинг?

Взгляд его затуманился. Он потянулся за своими очками, словно они могли помочь ему получше разглядеть эту леди.

— Однажды я и впрямь слышал, как леди Гарриет говорила о ней... Кажется, это кто-то из Индии.

— Да, там с нею была еще индийская служанка. Я видела ее. Когда мы стали играть в прятки, я заблудилась и наткнулась на нее. А индианка отвела меня обратно к мисс Йорк. Знаешь, это было здорово.

— Я знал, что Фрамлинги имеют связи с Индией. По-моему, с Ост-Индской компанией.

— Интересно, почему ее заперли в отдельном крыле дома?

— Кажется, она потеряла своего возлюбленного. Наверное, ей очень тяжело и грустно. Помнишь Орфея, который спустился в подземный мир, чтобы отыскать Эвридику?

Я настолько увлеклась загадкой мисс Люсиль Фрамлинг, что позволила отцу выиграть этот раунд, и остаток времени он посвятил рассуждениям об Орфее и его странствиях по подземному миру в поисках супруги, которую похитили у него в день их свадьбы.

***

Несмотря на неудачное начало, мое знакомство с Лавинией продолжилось и, хотя между нами сохранялась некоторая антипатия, меня влекло к ней, но еще сильнее — к дому, в котором могло случиться все что угодно; всякий раз, входя в него, я ловила себя на ощущении, будто отправляюсь на поиски приключений.

Я рассказала Полли об игре в прятки и о том, как повстречала пожилую леди.

— Так-так, — сказала она. — Ну ты и нашла себе славную маленькую мадам, которая не знает, как следует принимать гостей. Это уж точно. А еще называет себя леди.

— Она говорила, что этот дом священника очень мал.

— Хотела бы я посмотреть, как она здесь таскает на себе уголь наверх.

При мысли об этом я рассмеялась.

Полли была добра ко мне. Она сказала:

— Ты по виду — куда больше леди, чем она. Точно тебе говорю. Поэтому не тушуйся перед нею. Скажи ей пару ласковых, а если мисс не понравится, то ты в этом не виновата, верно? Полагаю, ты бы не отказалась побывать вместе со мной в каком-нибудь уютном местечке... вместо того старого дома. Ему давно пора отправляться на слом, если хочешь знать мое мнение.

— Ох, Полли, тот дом — он просто замечательный!

— В таком случае жаль, что те, кто в нем живут, не усвоили хороших манер.

Я всегда думала о Полли, когда шла в тот дом, напоминала себе, что я ничем не хуже их. Например, училась я лучше. Об этом стало известно случайно. Просто я услышала, как миссис Дженсен сказала, что мисс Лавиния морочит голову мисс Этертон, отказываясь обучаться чему-либо, когда не в настроении, отчего эта юная леди на пару лет отстает от некоторых своих знакомых. Я поняла, кого она имеет в виду под «некоторыми своими знакомыми», и капельку возгордилась. Эти сведения весьма мнегодились, когда я оставалась наедине с мисс Лавинией. Более того, в отличие от нее, я знала, как нужно себя вести, хотя не исключено, что она тоже знала, просто не желала подчиняться правилам. К тому времени я провела в обществе Лавинии достаточно много часов, чтобы понимать: она — бунтарка по природе своей.

Кроме того, не забывала я и о совете Полли не лезть за словом в карман и платить Лавинии той же монетой, и потому больше никогда не чувствовала себя такой уязвимой, как во время первой нашей встречи.

Мой отец без конца повторял, что любые знания хороши и что много их не бывает. Мисс Йорк соглашалась с ним. Но было одно знание, без которого я могла бы вполне обойтись.

Леди Гарриет весьма доброжелательно относилась к дружбе Лавинии со мной, следовательно, наши отношения должны были продолжаться. Лавиния как раз училась ездить верхом, и леди Гарриет заявила, что я должна учиться вместе с нею. Обыкновенно мы ездили по кругу в пределах паaddockа под бдительным присмотром Джо Крикса, старшего грума.

Лавинии нравилось ездить верхом, и потому в седле она держалась весьма недурно. Она получала истинное наслаждение, демонстрируя свое превосходство надо мною. Она была отчаянной и безрассудной и, в отличие от меня, не признавала никаких правил. Бедный Джо Крикс пугался до полусмерти, когда она игнорировала его указания.

— Если хотите уверенно чувствовать себя в седле, — говорил Джо Крикс, — не бойтесь своего коня. Дайте ему понять, что вы — хозяйка. С другой стороны, здесь существует некоторая опасность.

Лавиния воинственно трясла своей рыжевато-коричневой гривкой. Ей очень нравился этот жест. Волосы у нее были по-настоящему роскошными, и она таким образом лишней раз привлекала к ним внимание.

— Я знаю, что делаю, Крикс, — заявляла она в ответ.

— Я и не говорю, что не знаете, мисс Лавиния. Я всего лишь хочу сказать... нужно думать не только о себе, но и о лошади. Вы можете думать, будто знаете, что делаете, но лошади — очень нервные создания. И они могут сотворить что-нибудь такое, чего вы никак не ожидаете.

Но Лавиния продолжала поступать по-своему; ее дерзость и уверенность в том, что она — умнее всех остальных, вместе взятых, позволяла ей добиваться своего.

— Из нее получится очень хорошая наездница, — заметил однажды Джо Крикс. — В том, правда, случае, если она станет рисковать чуть меньше. А пока, мисс Друзилла, она слишком уверена в себе. Когда-нибудь она это поймет... и добьется настоящего успеха.

Мне нравились уроки верховой езды, нравилось пускать лошадь рысью по паддоку, понравилось волнение первого аллюра и восторг первого галопа.

Это случилось однажды после полудня. Урок закончился, и мы отвели лошадей обратно в стойла. Лавиния спешила и небрежно бросила поводья груму. А вот мне нравилось задержаться еще на несколько минут, чтобы потрепать своего коня по холке и поговорить с ним, как учил нас Джо.

— Никогда не забывайте об этом, — говорил он. — Обращайтесь со своей лошастью хорошо, и она отплатит вам тем же. Лошади — они как люди. Помните об этом.

Я вышла из конюшни и зашагала по лужайке к дому, чтобы присоединиться в классной комнате к Лавинии, где нас должен был ждать чай. Мисс Йорк уже была там и оживленно болтала о чем-то с мисс Этертон.

В доме были гости. Такое случалось нередко, но нас они не тревожили. Мы почти не видели леди Гарриет — чему я была только рада.

Я должна была пройти через гостиную, дверь в которую была открыта, и мельком увидела, как горничная подает чай нескольким людям. Я поспешно отвернулась и прошмыгнула мимо, но потом приостановилась, чтобы взглянуть на ту часть дома, где, по моим предположениям, обитала мисс Люсиль.

И вдруг из гостиной до меня донесся чей-то голос:

— Кто эта дурнушка, Гарриет?

— А... вы имеете в виду дочь приходского священника? Она часто бывает здесь. Приходит, чтобы составить Лавинии компанию.

— Какой контраст по сравнению с Лавинией! Правда, Лавиния — настоящая красавица.

— О да... Видите ли, здесь очень мало людей. Насколько мне известно, та девочка — очень приятный ребенок. Так полагает гувернантка, а Лавинии пойдет на пользу общение со случайной компаньонкой. Повторю, здесь очень немногочисленно. Поэтому приходится довольствоваться тем, что есть.

Я невидящим взором уставилась прямо перед собой. Это я была дурнушкой. Это я находилась здесь, потому что они не смогли найти никого получше. Я была ошеломлена. Да, я знала, что волосы у меня неброского русого оттенка, прямые и жесткие... так не похожие на золотисто-каштановые кудри Лавинии; а глаза у меня так и вовсе были бесцветными. Они походили на воду и, если я надевала голубое, становились голубоватыми, а иногда — зелеными, зеленоватыми или карими... то есть не имели собственного цвета. Я знала, что у меня большой рот и самый обычный нос. Вот, значит, что такое «дурнушка».

И, разумеется, Лавиния была красавицей.

Первой моей мыслью было пойти в классную комнату и потребовать, чтобы меня немедленно отвели домой. Я очень расстроилась. В горле у меня образовался тугой комок. Но я не

плакала. Слезы не для таких глубоких чувств. Я чувствовала себя уязвленной до глубины души и думала, что эта рана не заживет никогда.

— Ты опоздала, — приветствовала меня Лавиния.

Я не стала ничего объяснять, потому что знала, какой будет ее реакция.

Но я тогда по-новому взглянула на нее. Ничего удивительного, что она вела себя так гадко. Она была настолько красива, что люди прощали ей все.

Полли, конечно, заметила мою озабоченность.

— Эй, ты ничего не хочешь рассказать мне?

— Рассказать тебе что, Полли?

— Почему ты выглядишь такой счастливой, словно потеряла соверен, а нашла фартинг.

Я никогда ничего не могла утаить от Полли и потому рассказала ей все.

— Я дурнушка, Полли. Это значит — уродливая. И я хожу в Дом только потому, что лучше здесь никого нет.

— Никогда я еще не слыхала такой чепухи. Никакая ты не дурнушка. Таких, как ты, называют интересными, а это всегда оказывается выигрышнее в конечном счете. И, если ты больше не хочешь ходить в тот дом, я позабочусь о том, чтобы ноги твоей там больше не было. Я сама пойду к священнику и скажу, что это должно прекратиться. Насколько я понимаю, оттого, что ты перестанешь видаться с ними, хуже тебе не будет.

— Я и вправду невзрачная, Полли?

— Ты такая же невзрачная, как кекс с изюмом, орехами, цукатами и пряностями. Или рождественский пудинг.

Ее слова заставили меня улыбнуться.

— У тебя одно из тех лиц, которые заставляют людей останавливаться и оглядываться. Что до этой твоей Лавинии... или как там она себя называет... я, например, никак не могу назвать ее красивой, когда она хмурится и смотрит волком. Господь свидетель, она делает это достаточно часто. Вот что я тебе скажу: если она будет и дальше продолжать вести себя так, как сейчас, то очень скоро в уголках глаз у нее появится паутина морщинок, а уж по всему лицу они у нее разбегутся, как железнодорожные рельсы. Я скажу тебе кое-

что еще: когда ты улыбаешься, твое лицо словно светится изнутри. И вот тогда ты становишься настоящей красавицей, можешь даже не сомневаться.

Полли приподняла мне настроение, и спустя некоторое время я уже начала забывать о том, что меня обозвали дурнушкой. Дом по-прежнему манил меня к себе, и я постаралась не вспоминать о том, что меня выбрали только потому, что рядом не нашлось кого-то получше.

***

Время от времени я мельком видела Фабиана, хотя и не часто. Но стоило ему попасться мне на глаза, как я вспоминала те времена, когда он сделал меня своей дочерью. Он тоже наверняка помнил об этом, потому что в ту пору ему было уже целых семь лет.

Большую часть времени он проводил в школе и часто даже не приезжал домой на каникулы, гостя у кого-либо из школьных друзей. Его приятели тоже изредка наезжали в Дом, но на нас они не обращали никакого внимания.

Однажды — кажется, это было на Пасху — Фабиан все-таки приехал домой на каникулы. Вскоре после того, как мы с мисс Йорк прибыли в Дом, начался дождь. После чая мы с Лавинией оставили гувернанток вдвоем, чтобы они могли поболтать без помехи. Мы как раз раздумывали над тем, что делать дальше, когда дверь отворилась и в комнату вошел Фабиан.

Он был очень похож на Лавинию, разве что был намного выше и выглядел совсем уже взрослым. Хотя он был старше Лавинии на четыре года, тогда мне это представлялось огромной разницей, особенно если учесть, что я сама была младше Лавинии на целый год. Так что ему исполнилось уже двенадцать, а поскольку мне не было еще и семи, для меня он выглядел намного старше своих лет.

Лавиния подошла к нему и повисла у него на руке, словно говоря: «Вот это мой брат. А ты можешь отправляться к своей мисс Йорк, потому что мне ты больше не нужна».

А он как-то странно смотрел на меня — очевидно, припомнив, кто я такая. Я была тем самым ребенком, которого он присвоил. Наверняка эта история должна была произвести впечатление даже на такого умудренного опытом человека, как Фабиан.

— Ты ведь останешься со мной? — взмолилась Лавиния. — Подскажешь, чем можно заняться? У Друзиллы такие глупые идеи. Ей

нравятся игры, которые она называет умными. Мисс Этертон говорит, что она знает больше меня... по истории и всяким таким штукам.

— Ей совсем не обязательно знать много, чтобы знать больше тебя, — заявил Фабиан.

Эта ремарка, прозвучи она из уст кого-либо другого, непременно привела бы Лавинию в бешенство, но поскольку это изрек Фабиан, то она лишь счастливо захихикала. Для меня стало откровением, что на свете, оказывается, есть человек, перед которым Лавиния благоговеет — не считая леди Гарриет, разумеется, перед которой благоговели все.

Он сказал:

— История... Я люблю историю, римлян и все такое. У них были рабы. А давайте-ка сыграем.

— Ой, Фабиан... правда?

— Да. Я буду римлянином. Цезарем, пожалуй.

— Которым из них? — спросила я.

Он ненадолго задумался.

— Цезарем... Тиберием.

— Он был очень жесток к христианам.

— Тебе совсем не обязательно быть христианской рабыней. Я буду Цезарем. Вы — моими рабами, я испытаю вас.

— Я буду твоей царицей, или кто там был у цезарей, — провозгласила Лавиния. — А Друзилла будет нашей рабыней.

— Нет, ты тоже будешь рабыней, — к моему восторгу и разочарованию Лавинии возразил Фабиан. — Я буду давать вам задания... которые покажутся вам невозможными. Это позволит вам проявить себя и покажет, достойны ли вы быть моими рабынями. Я велю вам: «Принесите мне золотые яблоки Гесперид», или что-нибудь в этом роде.

— Но как же мы достанем их? — поинтересовалась я. — Они существуют только в греческих мифах. Мой отец вечно рассказывает о них. Но они — не настоящие.

Лавиния начала терять терпение, поскольку я, незваная гостья, слишком много говорила.

— Я дам вам задания, которые вы должны будете выполнить, или испытаете на себе мой гнев.

— Только если это не означает, что мы должны будем спуститься в подземный мир и привести оттуда людей, которые уже умерли, и всякое такое, — вставила я.

— *Этого* я от вас не потребую. Задания будут трудными, но выполнимыми.

Он скрестил руки на груди и закрыл глаза, словно погрузившись в глубокие раздумья. А потом заговорил, как оракул, которых иногда упоминал мой отец:

— Лавиния, ты принесешь мне серебряный кубок. Но не любой, а тот, на котором выгравированы листья аканта.

— Я не могу, — тут же откликнулась та. — Он стоит в комнате с привидениями.

Я еще никогда не видела Лавинию такой испуганной, но более всего меня поразило то, что брат полностью подавил в ней тягу к бунту.

Он обернулся ко мне:

— А ты принесешь мне веер из павлиньих перьев. А когда мои рабыни вернутся ко мне, кубок нужно будет наполнить вином, и, пока я буду вкушать его, одна из вас будет обмахивать меня веером из павлиньих перьев.

Задача не показалась мне такой уж невыполнимой. Я ведь помнила, где он находится. Теперь я знала дом куда лучше прежнего и с легкостью могла найти дорогу в апартаменты мисс Люсиль. Я могла тихонько пробраться в комнату, где лежал веер, взять его и отнести Фабиану. Причем постараться проделать это так быстро, чтобы он похвалил меня, пока бедная Лавиния будет набираться смелости перед комнатой с привидениями.

В общем, не теряя времени, я отправилась в путь. Меня охватило ликование. Присутствие Фабиана возбуждало меня, потому что я все время думала о том, как он меня похитил и как я прожила в этом доме целых две недели, словно была членом семьи. Я хотела поразить его быстротой, с которой исполню поручение.

До комнаты я добралась без проблем. Но что, если там окажется индианка? Что я ей скажу? «Можно мне взять ваш веер, пожалуйста? Мы играем в одну игру, и я стала рабыней».

Пожалуй, она улыбнется и скажет: «Ну и ну!» — этим своим мелодичным голоском. Я не сомневалась, что она хоть и удивится, но выкажет мне дружеское расположение. А вот насчет пожилой леди

я была не уверена. Но та должна сидеть в соседней комнате, в кресле, с ковриком на коленях, и оплакивать прошлое, которое возвращалось к ней в письмах.

Я осторожно приоткрыла дверь. В ноздри мне ударил резкий запах сандалового дерева. В комнате царила тишина. Прямо передо мною на каминной полке лежал веер.

Привстав на цыпочки, я дотянулась до него, схватила, выбежала из комнаты и со всех ног помчалась к Фабиану.

Он в изумлении уставился на меня.

— Ты уже нашла его? — Он расхохотался. — А я думал, что у тебя ничего не получится. Как ты узнала, где он лежит?

— Я уже видела его прежде. Когда играла в прятки с Лавинией. Я случайно забрела в ту комнату, потому что заблудилась.

— Ты видела мою двоюродную бабушку Люсиль?

Я молча кивнула, а он продолжал в упор разглядывать меня.

— Отличная работа, — сказал он. — А теперь, рабыня, можешь обмахивать меня, пока я дожидаясь своего кубка с вином.

— Ты хочешь, чтобы я тебя обмахивала? Здесь довольно прохладно.

Он покосился на окно, из которого ощутимо тянуло. Капли дождя стекали по оконным стеклам.

— Ты подвергаешь сомнению мои приказы, рабыня? — спросил он.

Поскольку это была всего лишь игра, я ответила:

— Нет, мой господин.

— Тогда делай так, как я велю.

Вскоре после этого вернулась с кубком Лавиния. Она окинула меня убийственным взглядом, потому что я выполнила свою задачу быстрее. Я вдруг обнаружила, что мне нравится эта игра.

Нам пришлось искать вино и наполнять кубок. Фабиан простерся на диване. Я стояла позади него, размахивая веером из павлиньих перьев. Лавиния опустилась перед братом на колени, протягивая ему кубок.

Впрочем, неприятности не заставили себя долго ждать. Мы услышали топот бегущих ног и громкие голоса. Среди них я узнала и голос Аеши.

В комнату ворвалась мисс Этертон, за которой по пятам следовала мисс Йорк.

Наступила драматическая пауза. В дверях столпились все остальные, большинство я раньше никогда не видела, и все они в упор

смотрели на меня. Воспоследовало мгновение мертвой тишины, а потом мисс Йорк бросилась ко мне.

— Что вы наделали? — вскричала она.

Аеша тоже увидела меня и негромко вскрикнула:

— Он у вас! Значит, это вы. Милостивые небеса... это вы.

Я сообразила, что все они имеют в виду веер.

— Как вы могли? — сказала мисс Йорк. Заметив на моем лице недоумение, она продолжала: — Вы взяли веер. Зачем?

— Мы... мы играли, — запинаясь, пробормотала я.

— Играли! — воскликнула мисс Этертон. — Веер... — Голос у нее от едва сдерживаемых чувств дрогнул и сорвался.

— Мне очень жаль... — начала было я.

А потом в комнату вступила леди Гарриет. Она была похожа на богиню мщения, и колени мои подогнулись, отказываясь держать меня.

С дивана наконец соизволил подняться Фабиан.

— Какая суета! — сказал. — Она была моей рабыней. Это я приказал ей принести веер.

Я заметила облегчение на лице мисс Этертон и не смогла удержаться от смеха, пусть и несколько истерического.

Выражение лица леди Гарриет смягчилось.

— Ох, Фабиан! — пробормотала она.

— Но веер... Веер мисс Люсиль... — запричитала Аеша.

— Это я приказал ей, — повторил Фабиан. — У нее не было иного выхода, кроме как повиноваться. Она — моя рабыня.

Теперь засмеялась и леди Гарриет.

— Вижу, вы уже все поняли, Аеша. Отнесите веер обратно мисс Люсиль. С ним ничего плохого не случилось, и покончим с этим. — Она повернулась к Фабиану. — Леди Гудман прислала письмо, в котором приглашает тебя погостить летом у Адриана. Что скажешь?

Фабиан равнодушно передернул плечами.

— Быть может, мы обсудим этот вопрос? Идем со мной, мой дорогой мальчик. Думаю, мы немедленно должны ответить согласием.

Фабиан, окинув презрительным взглядом всю компанию, чрезмерно возбудившуюся из-за такого пустяка, как взятый без спроса веер, удалился вслед за своей матерью.

Я уже решила, что на этом все и закончится. Они были весьма взволнованы, и мне показалось, что веер чем-то очень важен для них, но леди Гарриет и Фабиан свели все едва ли не к шутке.

Аеша ушла, унося с собой веер с таким видом, словно он представлял собой немалую ценность, и обе гувернантки последовали за нею. Мы с Лавинией остались одни.

— Я должна отнести кубок назад, пока они и его не хватились. Удивляюсь, как они его не разглядели, но из-за этого веера поднялась такая суэта... Ты пойдешь со мной.

А я продолжала пребывать в растерянности, ведь это я взяла веер, который, очевидно, оказался ценной штукой, коль из-за него поднялся такой переполох. Я спросила себя, а что было бы, не окажись здесь Фабиана, который снял с меня обвинение? Пожалуй, мне на веки вечные запретили бы приходить сюда. И мне бы это очень не понравилось, хотя я никогда не чувствовала себя здесь желанной гостьей. Тем не менее меня тянуло сюда. Меня интересовали все обитатели Дома... даже Лавиния, которая часто бывала груба и никогда — гостеприимна.

Я подумала, что Фабиан выглядел очень благородно, облив их презрением и взяв всю ответственность на себя. Разумеется, к этому его обязывал долг, и в том, что он принял вину на себя, не было ничего героического. Но он повернул все так, словно и не был ни в чем виноват, а они выставили себя на посмешище, устроив такой переполох.

Я смиренно последовала за Лавинией в ту часть дома, где мне еще не доводилось бывать.

— Двоюродная бабка Люсиль живет в западном крыле. А это — восточное, — сказала она мне. — Мы идем в комнату Монахини. Так что будь осторожна. Монахиня не любит чужаков. Мне можно. Я — член семьи.

— И почему же ты тогда боишься идти туда одна?

— Ничего я не боюсь. Я просто подумала, что тебе будет интересно взглянуть на нее. У вас же в том старом доме священника привидения не водятся, верно?

— Да кому они нужны, эти привидения? Какой от них прок?

— В большом доме они есть всегда. Они предупреждают людей.

— Значит, если я Монахине не понравлюсь, ты пойдешь туда одна.

— Нет-нет. Ты должна пойти со мной.

— Предположим, я не пойду...

— Тогда я больше не разрешу тебе прийти сюда снова.

— Ты думаешь, я расстроюсь? Вы не очень-то милы... все вы.

— Да как ты смеешь! Ты — всего лишь дочь приходского священника, и мы вас содержим.

Я боялась, что в этом что-то есть. Не исключено, что леди Гарриет попросту выживет нас отсюда, если я вызову ее неудовольствие. Я поняла, чего добивается Лавиния. Она хотела, чтобы я составила ей компанию, потому что боялась идти в комнату Монахини одна.

Мы зашагали по коридору. Она обернулась и взяла меня за руку.

— Идем, — прошептала она. — Тут недалеко.

Она отворила дверь. Мы оказались в небольшой комнате, очень похожей на монашескую келью. Стены ее были голыми, а над узкой кроватью висело распятие. Еще из мебели наличествовали только стол и стул. В комнате царил атмосфера строгой аскетичности.

Лавиния поставила кубок на стол и чуть ли не бегом выскочила из комнаты. Я следовала за нею по пятам. Мы промчались по коридорам, а потом она обернулась и с удовлетворением уставилась на меня. К ней уже вернулись ее природная самоуверенность и присутствие духа. Она привела меня обратно в комнату, где совсем недавно на диване возлежал Фабиан, а я обмахивала его веером из павлиньих перьев.

— Видишь, — сказала Лавиния, — у нашей семьи — долгая и славная история. Мы пришли сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем. А твои родственники, полагаю, были простыми смердами.

— Нет, мы ими не были.

— Нет, были. В общем, Монахиня была одной из наших предшественниц. Она влюбилась в неподходящего мужчину... Кажется, он был викарием или приходским священником. Люди такого сорта не входят в такие семьи, как наша, через брачный союз.

— Зато они наверняка были куда образованнее вас.

— Нам ни к чему волноваться насчет образования. Об этом беспокоятся только такие, как ты. Мисс Этертон говорит, что ты знаешь больше меня, хоть ты и на год младше. Но мне нет до этого дела. Потому что *мне* образование не нужно.

— Образование — величайшее благо, которого можно добиться, — заявила я, цитируя своего отца. — Расскажи мне еще о Монахине.

— Он был настолько ниже ее, что она никак не могла выйти за него замуж. Ее отец запретил ей даже думать об этом, и она ушла в монастырь. Но она не могла жить без него и потому убежала оттуда и пришла к нему. Ее брат отправился за ними в погоню и убил ее возлюбленного. Ее же привезли домой и поместили в ту комнату, которая так похожа на келью. С тех пор в ней ничего не меняли. Она выпила яд из кубка, а теперь приходит в свою комнату и ищет в ней кого-то.

— И ты веришь в это?

— Разумеется, верю.

— Наверное, тебе было очень страшно, когда ты ходила туда за кубком.

— Ничего не поделаешь, если хочешь играть с Фабианом.

Я подумала, что раз это он послал меня туда, то призрак не сделает мне ничего дурного.

— Похоже, ты считаешь своего брата кем-то вроде бога.

— Так оно и есть, — ответила она.

Очевидно, в семье его и впрямь полагали богом.

Когда мы возвращались домой, мисс Йорк сказала:

— Подумать только, сколько шума из-за какого-то веера. Пожалуй, если бы не мистер Фабиан, разразился бы настоящий скандал.

***

Дом все сильнее манил меня к себе. Я часто думала о монахине, которая выпила яд из кубка и покончила с собой из-за любви. Я даже поговорила об этом с мисс Йорк, которая узнала от мисс Этертон, что мисс Люсиль слегла, обнаружив, что ее веер из павлиньих перьев пропал.

— Ничего удивительного, — сказала она, — что из-за него поднялся такой шум. Мистер Фабиан не должен был приказывать вам украсть его. Вам-то откуда было знать? Чистое озорство, вот как я это называю.

— Но почему этот веер так важен для них?

— Там что-то связано с павлиньими перьями. Я слышала, что они приносят несчастье.

Мне стало интересно, имеет ли эта теория какое-либо отношение к греческой мифологии, если да, то отец наверняка что-то должен

знать об этом. Я решила рискнуть нарваться на очередную лекцию и все-таки расспросить его поподробнее.

— Отец, — начала я, — у мисс Люсиль из Дома есть веер, сделанный из перьев павлина. Он какой-то очень необычный. Не знаешь ли ты, почему перьям павлина придают такую важность?

— Видишь ли, Гера поместила глаза Аргуса в хвост павлина. Но ты, конечно, знаешь эту легенду.

Конечно же, я не знала и попросила отца рассказать ее мне.

Оказалось, что это очередная история о любовных похождениях Зевса. На сей раз он ухлестывал за дочерью царя Аргоса, а его жена Гера узнала об этом.

— Ей не следовало удивляться, — заметила я. — Он вечно ухаживал за теми, за кем не следует ухаживать.

— Это правда. Он превратил прекрасную Ио в белую корову.

— Надо же. Обычно он превращался сам.

— В этом случае все было наоборот. Гера оказалась очень ревнивой.

— И почему я не удивлена... с таким-то мужем. Но она могла бы привыкнуть к его эскападам.

— Она поставила чудище Аргуса, у которого было сто глаз, сторожить ее. Прознав об этом, Зевс отправил Гермеса усыпить его игрой своей лиры, а потом, когда тот заснет, — убить. Гера очень разозлилась, когда узнала о том, что случилось, и поместила глаза мертвого чудища на хвосты павлинов.

— И поэтому считается, что павлиньи перья приносят несчастье?

— В самом деле? Знаешь, если подумать, кажется, я действительно слышал что-то такое.

Но большего он поведать мне не смог. Я решила, что все дело в глазах. Они все время наблюдают и сторожат... чего не смог сделать Аргус. Но почему же мисс Люсиль так обеспокоилась из-за того, что глаза исчезли и перестали присматривать за нею?

Загадка стала казаться мне еще более таинственной. Нет, какой все-таки замечательный дом, в котором обитает призрак давно умершей монахини и хранится веер с глазами, оберегающими его владельца. Интересно, а он предупреждает о грядущей опасности?

Меня не покидало стойкое ощущение, что в этом доме может случиться все что угодно; там можно было узнать столько всего интересного, что, несмотря на то что меня называли дурнушкой

и приглашали в гости только потому, что никого достойнее рядом не было, я хотела и дальше приходить в Дом.

Спустя неделю или около того после случая с веером я вдруг обнаружила, что за мною следят. Учась верховой езде в паддоке, я едва сдерживалась, чтобы не вскинуть глаза на одно из окон, расположенных высоко на стене, откуда за мною велось наблюдение. В нем на миг мелькала чья-то тень и тут же исчезала. Несколько раз мне казалось, что я различаю там чей-то силуэт. Жутковатое и не очень приятное ощущение.

Я поинтересовалась у мисс Этертон:

— Какая часть дома выходит окнами на паддок?

— Западное крыло. Оно практически не используется. Там живет только мисс Люсиль. Остальные члены семьи считают, что эта часть дома принадлежит ей.

Меня уже посещали подобные догадки, и теперь я лишь убедилась в своей правоте.

Как-то раз, когда я уже отвела лошадь в стойло (Лавиния убежала вперед) и собиралась вернуться в дом, я увидела Аешу. Она быстро подошла ко мне и, взяв за руку, заглянула мне в глаза.

— Мисс Друзилла, я хотела застать вас одну. Мисс Люсиль весьма сильно желает поговорить с вами.

— Что? — воскликнула я. — Сейчас?

— Да, — ответила она. — Сию же минуту.

— Но меня будет ждать Лавиния.

— Ничего страшного, подождет.

Я последовала за нею в дом, мы поднялись по лестнице и прошли по коридору в ту комнату в западном крыле, где меня ждала мисс Люсиль.

Она сидела в кресле у окна, которое выходило на паддок и в которое она наблюдала за мною.

— Подойди ко мне, дитя, — сказала она.

Я повиновалась и подошла к ней. Она взяла меня за руку и стала пристально всматриваться в мое лицо.

— Принеси стул, Аеша, — велела она.

Аеша принесла и поставила стул рядом с креслом мисс Люсиль.

После этого она ушла, и я осталась с пожилой леди наедине.

— Расскажи мне, что заставило тебя так поступить, — сказала она. — Что заставило тебя украсть веер?

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ